

АРМЯНСКИЙ СЛЕД

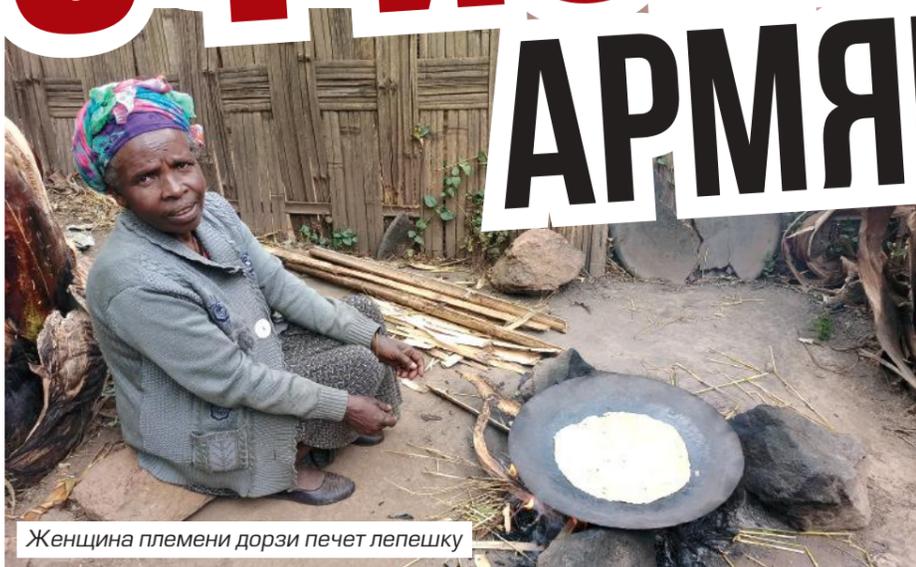
Долина реки Омо напоминает Дон

В предыдущих двух номерах «ННД» я рассказал вам об истории становления армянской общины Эфиопии, о современном положении армян в этой африканской стране. В третьей, заключительной, части речь пойдет о долине реки Омо, где я побывал среди диких племен и где тоже имеется кое-что армянское. Итак, вперед к приключениям!

ЭФИОПИЯ:

АРМЯНЕ В АФРИКЕ

часть III

ЭКСКЛЮЗИВ Специально
для газеты «Нахичевань-на-Дону»


Женщина племени дорзи печет лепешку

МЕРТВЫЙ ПАВИАН И МОЙ ОТБИТЫЙ ЗАД

Полтора часа полета эфиопской национальной авиакомпанией Ethiopian Airlines и я в Арба-Мынч, что на юге страны. Живописную природу этих краев не описать в двух словах: пока я добирался на стареньком джипе из аэропорта, только и успевал обращаться то влево, то вправо. По обочинам — пышные заросли банановых и манговых плантаций, сбор на которых приходится аккурат на эти дни. Полуголые чернокожие крестьяне занимаются урожаем, сортируя плоды. Работать приходится вручную. Однако аграрии так умело и ловко справляются с плодами, что о технике думать не приходится. Только на отдельных участках виднеются насаждения не собранного урожая. Видимо, от дефицита рабочих рук. В таких случаях «на помощь» человеку приходят павианы. Они всем своим обезьяньим семейством срывают спелые плоды и уносят, не спеша, сорочидчам, создавая небольшой затор на дороге. Дисциплинированные водители обычно сбавляют скорость, чтобы не раздавить животных, которые могут внезапно оказаться на трассе с плодами с полей. Но, к сожалению, не все водители порядочны. Я сам был свидетелем жуткого зрелища, когда прямо посреди дороги увидел погибшего от колес автомобиля павиана. Весь ужас заключался в том, что примат, лежавший с закрытыми глазами, походил не на животное, а на... человеческого детеныша. Мой водитель заметил панику в моих глазах и поспешил предупредить:

— Такое вам еще предстоит видеть на дорогах Эфиопии. Часто животные попадают под машину, но их быстро убирают с дорог. Просто этого павиана недавно сбила машина. Не успели убрать. Когда я ехал за вами в аэропорт час назад, этого трупа на дороге не было.

Я объяснил своему водителю, что в наших широтах мы привыкли видеть на дорогах раздавленных кошек, собак, голубей. Но мертвая обезьяна...

— Вообще животные очень осторожны, — прервал меня водитель. — К примеру, когда мы съедем с трассы и будем подниматься в горы, вы не увидите ничего подобного. Павианы в особенности

будут переходить дорогу только после того, как проедет машина. А дорога, по которой мы сейчас едем, она новая. Ее проложили полгода назад. Обезьяны привыкли к тому, что это их ареал и забывают об опасностях, с которыми могут теперь столкнуться. Вот и попадают под колеса.

Забуть о происшедшем мне помогла все та же дорога. Вернее, то, что от нее осталось, когда свернули с асфальтированной трассы на пыльную тропу, ведущую в горы. Мы направлялись в высокогорное селение Ченча, что в 40 км от Арба-Мынч. Извилистая и разбитая колдобинами тропа — единственная дорога в деревню племени дорзи, где мне предстоит провести ночь. Сказать о том, что я пожалел, что приехал в эти Богом забытые места, — ничего не сказать. Перевал за перевалом, на малой скорости, с пытением, сопением, словно из последних сил, наш старенький джип все взбирался в горы. С не меньшим рвением пытел и ворчал я. Только с отборным русским матом. От постоянной тряски сначала заболела голова. Следом прихватило поясницу и спину. Про зад так и вовсе молчу! Вторую часть пути пришлось ехать полусидя, в позе птеродактиля, щадя копчик и позвоночник. И вот, на тот самый момент, когда мое терпение должно было уже иссякнуть, впереди показалась деревня дорзи с ее жителями, бежавшими нам навстречу.

ОПОЕННЫЙ ТУЗЕМЦАМИ

Оказавшись в деревушке дорзи после полуторачасовых «автопрыжков» я понял, что мои жертвы оказались не напрасны. К черту кости! Они заживут и забудутся мной. Но увиденное не забудется никогда! Стоя на вершине горы, я увидел под собой великолепный пейзаж: к востоку открылся вид на мангровые побережья двух озер — Абая и Чамо, куда мне еще предстоит отправиться. К западу, где уже садилось солнце, простерлась саванна. А между озерами и саванной — горные гряды с густыми лесами. Такое разнообразие ландшафтов на одном месте мне никогда не доводилось видеть прежде. Воистину впечатляющее зрелище! Эмоции переполняют сильнее, когда осознаешь, что в это время сам

являешься частью этой дикой природы, где время остановилось на века. Во куда привели меня армянские следы! Однако терпение и только терпение, мой читатель. О «следах» еще поговорим.

Утро в деревне племени дорзи началось не с петухов, а с шумной туземной ребятни, бегавшей вокруг моего «бунгало». Кстати, о нем: жилище дорзи уникально тем, что они все однотипны и напоминают слоновьи головы. И это не удивительно, учитывая, что слон является тотемом племени. Свои трехметровые хижины дорзи плетут из стеблей бамбука и покрывают пальмовыми листьями. Внутреннее убранство каждого такого жилища может шокировать неподготовленного иностранца: все пространство разделено на три части небольшими бамбуковыми ограждениями. Слева располагаются хозяйские кушетки, где семья отдыхает, справа скот, а между ними большое пространство — обедня. Она же гостиная. Как вы поняли, дорзи содержат скот не во дворах в специальных загонках, а буквально под боком у себя. Это делается для того, чтобы уберечь живность от ночных охотников — диких зверей. Дорзинские хижины прочны и служат до 100 лет. Плетенка крепкая, не боится стихий. У этих домиков один враг — термит. Именно полчища термитов поедают хижины, от чего через много десятков лет трехметровые домики приобретают метровую высоту.



Автор в хижине дорзи

В отличие от всех других племен долины реки Омо, куда мне предстоит отправиться, племя дорзи самое продвинутое. Основное их занятие — выращивание хлопчатника, из волокна которого изготавливают пряжу, затем одежду, подстилки в виде ковриков или просто ткань. Работа распределена по гендерному принципу — женщины собирают и сортируют хлопок, мужчины прядут и красят. Причем все краски исключительно

натуральные. Их получают из корней, стеблей, лепестков, коры, листьев, ягод... Всего, чем наделила сама природа. Готовую продукцию покупают перекупщики из Аддис-Абебы. А ткань дорзи пользуется спросом во всей Эфиопии.

Скот стараются не пускать в расход, так как его используют не столько ради мяса, сколько ради шерсти, молока, транспорта. Поэтому кухня дорзи хоть и не балует излишествами, но интересная. Основой кушаний является лепешка. Процесс ее изготовления далеко не простой. Сначала от банановых листьев отделяют мякоть, из которой лепят колбочки. Их заносят в темные прохладные помещения и оставляют созревать на пару месяцев. И только потом хозяйки раскатывают их на нужные порции и запекают. На вид такие лепешки напоминают лаваш. Запах сырный.

Стоит также добавить, что дорзи пьют самогонку. Ее изготавливают методом брожения корней и дикого меда. Напиток получается в среднем до 60 градусов... Ну и, как водится, при наличии горячительных напитков и закусок, дорзи не приходится скучать темными вечерами. Туземцы всей деревней разжигают костры, едят, пьют, бьют в барабаны и пускаются в пляс. Как говорится в известной сказке, «И я там был, мед-пиво пил...». Даже отплясал. И неизвестно, как долго бы отбивал стопы, если бы не мой помощник Соломон Бекеле, посоветовавший отправиться поспать, т.к. спозаранку нам предстоит долгая дорога к другим племенам, живущим вдоль реки Омо.

НЕ ХОДИТЕ, ДЕТИ, В АФРИКУ ГУЛЯТЬ...

Вторая ночь, проведенная в деревне дорзи, прошла беспокойно из-за всяческих гадов, заползших в мое бунгало. Видимо, они беспокоили меня и в первую ночь, но мертвецкий сон после автомобильной тряски взял свое. Насекомые и ящерицы, как мне объяснили, безобидны в этих горах. Но надоедливы. Они запросто заползают на тело человека без доли страха быть убитыми. Приходилось быть начеку...

С утра меня уже ожидал Соломон с охаткой разносортных бананов и кокосовым молоком. Позаботился о завтраке. Мы быстро перекусили, попрощались с дорзи и отправились к озеру Чамо. Путь вниз был так же тернист. Однако терпимее. Все же спуститься — не подниматься. А в компании Соломона так и вовсе не приходилось скучать — местный житель, знает о племенах и округе все. Говорит на языках шести племен из шестнадцати. Соломон оказался отличным гидом и собеседником. И я несколько не сожалел, что пригласил его в свою экспедицию по югу Эфиопии.

Два часа пути — и мы оказываемся в мангровой роще у берегов Чамо. Здесь мы взяли моторную лодку и вместе с лодочником пытались отправиться вглубь озера. Из-за разлива выбраться было не